

ИГРЫ ЖИВОТНЫХ И ИГРЫ ДЕТЕЙ

(сравнительно-психологические аспекты)

К. Э. ФАБРИ

Вопросы психологии, 1982.

Игры животных уже давно служат объектами интенсивных зоопсихологических и этологических исследований, однако в изучении сравнительно-психологических аспектов игры на сегодняшний день в сущности мало что изменилось со времен известных работ Н. Н. Ладыгиной-Котс [5]. Вместе с тем вопрос о возможностях (и необходимости) сопоставления игр детенышей животных и игр детей представляет, конечно, большой теоретический и практический интерес, в частности, для детской психологии и дошкольной педагогики.

В этом плане здесь приводятся некоторые выводы, вытекающие из разработанной нами концепции игры животных как развивающейся психической деятельности [18], [19], [20], [22] и предложенной нами классификации игр животных [25]. Согласно этой концепции, игры животных представляют собой не особую категорию поведения, как принято считать, а основное содержание определенного периода онтогенеза — ювенильного (преадульного, игрового), свойственного только высшим позвоночным (птицам и млекопитающим). Иными словами, игра — это совокупность специфически преадульных проявлений общего процесса развития поведения в онтогенезе животных, это — адульное поведение в процессе его становления. По сравнению же с предшествующим, ранним постнатальным периодом игра составляет новое содержание поведения, определяющее созревание первичных элементов поведения и их преобразование в поведение взрослых (половозрелых) животных. При этом, как показали результаты осуществленного нами 35-летнего исследования манипуляционного поведения разных видов млекопитающих, в ходе игры развиваются не целиком поведенческие акты взрослых животных, а составляющие их сенсомоторные компоненты. Эти компоненты развитие которых началось еще в эмбриональном (пренатальном) периоде онтогенеза, подвергаются в игровом периоде глубоким функциональным изменениям, и лишь в качественно преобразованном виде они становятся составными частями «окончательного» (взрослого) поведения. Следовательно, имеет место не «просто перерастание игровых действий во взрослые, а формирование из элементов этих действий качественно нового поведения взрослых животных. Этот процесс преобразования сенсомоторных компонентов поведения совершается на основе накопления фундаментального индивидуального опыта, чем определяется познавательная функция игры у животных и вообще значение игры в онтогенезе психики животных

Упомянутые функциональные преобразования компонентов поведения соответствуют общим морфофункциональным преобразованиям и, так же как и те, носят характер расширения усиления или смены функций. С точки зрения психологического анализа наибольший интерес представляют ниже рассматриваемые явления субституции (замещения объектов воздействия), поскольку этими преобразованиями устанавливаются наиболее существенные новые связи с компонентами окружающей среды, чем обуславливается качественное обогащение содержания психического отражения. Можно

даже сказать, что в целом психическое содержание игровой активности, а тем самым развитие всей психической деятельности в ювенильном периоде онтогенеза определяются установлением молодым животным различных субституционных отношений и связей с компонентами среды. Их можно определить как «преадаптивно-компенсаторные» связи, замещающие, предваряющие и имитирующие жизненные ситуации и взаимоотношения взрослых животных. В этом смысле вся игровая активность представляет собой преадаптивную субституцию взрослого поведения.

Исходя из понимания игры как развивающейся психической деятельности, мы классифицировали формы игры у животных именно на основе характера устанавливаемых ими связей с компонентами среды [25], выделив ряд категорий игр. При их описании мы пользуемся следующими условными обозначениями: И — индивид; И (И) индивид, замещающий естественного игрового партнера; О — биологически значимый объект; О (О) — объект, замещающий биологически значимый объект; О (И) — объект, замещающий игрового партнера; С — субстрат игровой активности. Стрелками обозначаются активно устанавливаемые играющими животными связи.

ТОЧНЫЕ (ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ) ИГРЫ

Неманипуляционные игры

Категория 1. Игры типа И→С. (Локомоционные игры; устанавливаются только непосредственные связи индивида с субстратом игровой активности.)-

Манипуляционные игры

Категория 2. Игры типа И→О. (Манипуляционные игры с пищей, гнездостроительным материалом и тому подобными биологически значимыми объектами; устанавливаются непосредственные связи индивида с объектом игры.)

Категория 3. Игры типа И→О (О). (Устанавливаются связи, аналогичные связям в категории 2.)

Категория 4. Игры типа И↔О(И). (Устанавливаются связи, аналогичные связям в категориях 2 и 3, но иногда встречаются также элементы имитации обратной связи.)

СОВМЕСТНЫЕ ИГРЫ

Неманипуляционные игры

Категория 5. Игры типа И↔И. (Устанавливаются непосредственные обоюдные связи между игровыми партнерами.)

Категория 6. Игры типа И↔И(И). (С замещающим игровым партнером — животным или человеком — устанавливаются связи, аналогичные связям в категории 5.)
Манипуляционные игры

Категория 7. Игры типа $I \rightarrow O \leftarrow I$. (Соответствуют играм категории 2, но с объектом устанавливаются связи одновременно двумя или более партнерами.)

Категория 8. Игры типа $I \leftrightarrow O \leftrightarrow I$. (Манипуляционные игры, при которых предмет, однако, не замещает биологически значимый объект или игрового партнера, а служит средством общения между партнерами; между последними при этом устанавливаются сложные, опосредствованные предметом, обоюдные связи.)

Разумеется, в конкретном поведении молодых животных приведенные категории встречаются часто одновременно в различных сочетаниях или переходят друг в друга. Например, совместные неманипуляционные игры, будучи по форме выполнения локомоторными, тут же в пределах тех же категорий 5 или 6 становятся по форме манипуляционными (точнее, локомоционно-манипуляционными), как только игровые партнеры вступают в физический контакт друг с другом.

Конечно, существенная разница состоит при этом в том, что, в отличие от «обычного» манипулирования предметами, манипуляционные движения направляются здесь не просто на физическое тело, а на активного индивида, на игрового партнера, отвечающего на эти движения также манипуляционными действиями, в результате чего между животными возникает взаимодействие в условиях общения. А это значит, что в пределах общей для всех категории морфо-функциональной формы появилось качественно новое психическое содержание, что и делает необходимым выделение специальных категорий 5 и 6. Если же индивида (игрового партнера) рассматривать всего-навсего как физический компонент среды, то выделение этих категорий делается излишним, и они целиком волеются в категорию 2. Не менее четко психическое содержание выступает в компенсаторных манипуляционных играх категорий 3 и 4. Таким образом, предлагаемая схема отражает прежде всего психические аспекты, психические векторы и связи игровой активности животных.

Отмеченные выше субституционные преобразования проявляются в разных категориях по-разному и в различной степени — в наибольшей они выражены в компенсаторных играх (категории 3, 4, 6). Однако, как уже говорилось, все игры являются в своей сущности субституционными, и поэтому игра, вне сомнения, представляет собой самое лабильное, что вообще существует в поведении животных. Здесь почти все может заменяться и замещаться, вся активность животного строится на компенсации, транспозиции, опосредствованности воздействий (категория 8) и других субституционных проявлениях.

На игровом этапе онтогенеза самое главное для развивающегося животного — научиться устанавливать связи, «отработать» это умение, а лишь затем «уточнить» окончательные (биологически значимые) объекты воздействия и вовлечь их в сферу своей (теперь уже направленной) двигательной активности. Играя, молодое животное должно научиться устанавливать разнообразные связи с максимальным биологическим эффектом, но с наименьшей тратой сил и времени, да притом в постоянно меняющихся внешних условиях, в условиях постоянно возникающих ситуаций новизны. В этом и заключается значение игры для молодых животных.

Из изложенного вытекает, что игрой можно назвать лишь такую форму активности, которой присущи признаки субституции. Все компоненты ювенильного поведения, лишенные таких признаков (например, движения, выполняемые при еде), являются по своей природе персистентными компонентами раннего постнатального поведения [22]. Эти компоненты претерпевают на ювенильном этапе онтогенеза под влиянием игровой

активности определенные модификационные (но не субституционные!) изменения и в результате превращаются в элементы взрослого поведения животного без существенных качественных преобразований.

В итоге вырисовывается следующая картина. Первоначально устанавливаемые детенышем связи с компонентами среды (и соответственные формы психического отражения) хотя и являются элементарными, примитивными, но при этом непосредственно биологически эффективными и жизненно необходимыми. Установление этих связей ($I \rightarrow C$, $I \rightarrow O$, $I \leftrightarrow I$) — это поведение «всерьез». То же самое имеет место при соответствующем установлении связей взрослым животным, только это уже зрелое, развитое поведение качественно более высокого уровня. Вклинивающаяся же между ними игровая активность молодых животных — это поведение «не всерьез», поскольку оно не дает непосредственного биологического эффекта (ввиду субституционного характера устанавливаемых связей).

Разумеется, наряду с игровыми, животные устанавливают на ювенильном этапе развития также жизненно необходимые связи «всерьез», которые обеспечивают их коренные биологические потребности. Но ювенильный период тем и отличается, что, наряду с такими, устанавливаются и непосредственно «бесполезные» связи, которые и определяют сущность этого периода. При этом самое важное состоит в том, что формирование взрослого поведения, поведения «всерьез», происходит не путем усложнения жизненно необходимых компонентов поведения молодого животного, например поедания (но не добывания!) пищи (эти компоненты только «дозревают»), а путем развертывания и совершенствования как раз биологически «бесполезных», «несерьезных» «пробных», одним словом, субституционных игровых действий.

Взрослое поведение, следовательно, не «вырастает» прямо и непосредственно из форм раннего постнатального поведения; процесс прямолинейного развития прерывается здесь на ювенильной, игровой стадии, и после глубокой качественной перестройки разрозненные первоначальные элементы поведения в преобразованном, обогащенном, обновленном состоянии вновь группируются по прежним направлениям развития ($I \rightarrow O$, $I \leftrightarrow I$, $I \rightarrow O \leftarrow I$). В итоге взрослое поведение отличается значительно большей гибкостью, лабильностью, чем первоначальное постнатальное. Вот почему мы и называем игру развивающейся психической деятельностью.

Все это относится, разумеется, только к высшим позвоночным, и именно в этом кроется причина исключительной пластичности их поведения. У других же животных взрослое поведение действительно непосредственно «вырастает» из первичного постнатального поведения, которое формируется в раннем постэмбриональном онтогенезе на основе созревания врожденных компонентов поведения, врожденного узнавания и раннего опыта (первичного облигатного научения и элементов примитивного факультативного научения) [19]. И совсем иного рода закономерности развития поведения у животных, претерпевающих в онтогенезе метаморфозы (земноводные, насекомые и др.), когда уже личиночные формы ведут своего рода «взрослый» образ жизни (за исключением репродуктивной функции), который, однако, в корне отличается от подлинно взрослого образа жизни адультиных животных (имаго). Таким образом, не приходится говорить о неких «универсальных» закономерностях развития поведения в онтогенезе животных.

К характеристике игровой активности следует добавить, что с помощью разработанной нами системы классификации элементов манипулирования [17], [24] удалось установить, что при переходе от раннего постнатального периода к ювенильному

появление игровой активности приводит к подлинному скачку в моторной сфере: резко увеличивается число элементов манипулирования и число объектов манипулирования [19]. Эти количественные изменения в обращении животного с предметами сопряжены с коренными качественными изменениями, находящими свое выражение в установлении принципиально новых связей с компонентами среды. Следовательно, увеличение количества элементарных двигательных компонентов поведения детеныша приводит к новому качеству психического отражения.

Важно также подчеркнуть, что весь процесс развития поведения (а в связи с ним и психического отражения) протекает у высших позвоночных в виде отрицания отрицания: первичные связи, установленные детенышем с компонентами окружающего мира в раннем постнатальном периоде, частично замещаются в ювенильном периоде более сложными, но временными и биологически непосредственно «бесполезными», субституционными, игровыми связями, которые затем (у взрослых животных) также элиминируются и заменяются вновь связями исходного типа, но наполненными качественно новым содержанием. Эти адультные связи, следовательно, гомологичны элементарным первичным связям, но вторично формируются уже на новом, более высоком уровне. (Повторные качественные изменения, как уже отмечалось, происходят и в пределах категории 1, 2 и 5, хотя здесь и имеет место, казалось бы «прямолинейное» развитие).

Изложенное иллюстрирует схема (с. 33), изображающая соответствующие переходы с одного «этажа» онтогенеза на другой (цифры — номера категорий игр, остальные условные обозначения приведены выше).

Мы видим, таким образом, что у высших позвоночных онтогенез поведения и психики представляет собой в целом не плавный непрерывный процесс, а благодаря вклиниванию игрового периода процесс, прерываемый периодом отрицания первичного содержания. Подтверждается и правомерность предложенной нами периодизации онтогенеза психической деятельности животных с выделением особого, качественно отличного игрового периода, благодаря которому и возникает эта диалектическая прерывистость процесса развития психической деятельности в онтогенезе животных.

*

При сопоставлении игр животных с играми детей исследователь наталкивается на те же трудности, что и при сравнении поведения животных и человека вообще. Трудности эти возникают из-за необходимости всестороннего учета коренных, качественных отличий поведения человека от такового даже наиболее высокоорганизованных животных, например, шимпанзе [22]. Вместе с тем возможность и даже необходимость такого сравнения определяются тем, что поведение человека, наряду с ведущими, социально обусловленными, включает в себя и биологические, унаследованные от наших животных предков компоненты и признаки, которые являются по своей форме в такой же степени общими с таковыми высших животных, в какой у нас с ними общими являются строение и функции организма. Сюда относятся, в частности, биологические механизмы поведения (врожденные пусковые механизмы, процессы смещения активности, запечатления и др.), определяющие во многом общую с животными форму протекания ряда важных поведенческих актов.

Основную предпосылку научно достоверного сопоставления поведения человека и животных мы видим в том, что при всех, без исключения, сравнительно-психологических исследованиях необходимо прежде всего исходить из четкого различия формы и содержания поведения [13], [16], [19], [21], [23]. *Содержание* поведения человека всегда отличается качественно от такового животных, причем эти специфически человеческие признаки его поведения возникли в результате антропогенеза вместе с зарождением трудовой деятельности, членораздельной речи и общества, в то время как поведение животных осталось всецело биологически детерминированным, никогда и ни в одном случае не выходяло за пределы биологических закономерностей, чем и определяется чисто биологическое содержание этого поведения. Поэтому содержание поведения животных и человека принципиально несопоставимо, точнее сказать — здесь возможно только сравнительное выявление различий.

Другое дело — *форма* человеческого поведения, которая в большинстве случаев, правда, также претерпела в ходе исторического развития социально обусловленные качественные изменения и в результате приобрела специфически человеческие черты, но в отдельных случаях сохранила в большей или меньшей степени животнообразный вид. Вот здесь и открывается плодотворное поле деятельности для сравнительной психологии, для выявления генетически обусловленных признаков сходства или даже общности в поведении животных и людей. Иными словами, если не считать некоторых примитивных поведенческих актов, сравнительно-психологический поиск общих для человека и животных признаков поведения (или признаков гомологичного сходства) возможен только в отношении форм поведения (а также первичных сенсомоторных компонентов и биологических механизмов поведения), но не его содержания.

Сказанное всецело относится и к сравнительно-онтогенетическому анализу поведения человека и животных, поскольку содержание поведения человека не только во взрослом состоянии, но и на всех этапах его постнатального развития качественно отличается от такового животных. Однако в некоторых случаях на начальных этапах онтогенеза человека это качественно новое, специфически человеческое, психическое содержание еще сохраняет некоторое время старую, унаследованную от наших животных предков и поэтому во многом общую с животными форму. Это сказывается и на общем ходе развития поведения.

Очевидно, мы имеем здесь дело с частным проявлением общей закономерности — развитием нового содержания, при первоначальном сохранении старой формы до ее замены новой, адекватной формой. Есть основания полагать, что подобные соотношения определяли и начальный этап антропогенеза, точнее — условия зарождения трудовой деятельности [13], [16], [19].

В некоторых ранних играх детей младшего возраста, которые только и можно сопоставить с играми детенышей животных, обнаруживаются определенные компоненты, гомологичные формам игровой активности детенышей высших животных, хотя содержание и этих игр уже социально детерминировано. У детей же более старшего возраста почти всецело специфически человеческими становятся и формы игры. Об этой специфике содержания игры, в частности, в раннем возрасте дают представление обстоятельные исследования М. Я. Басова [1], Л. С. Выготского [2], [3], С. Л. Рубинштейна [12], А. Н. Леонтьева [6], Д. Б. Эльконина [27], [28], [29], [30] и труды других советских психологов, посвященные играм детей. Так, пример, А. Н. Леонтьев усматривал «специфическое отличие игровой деятельности животных от игры, зачаточные формы которой мы впервые наблюдаем у детей преддошкольного возраста», прежде всего в том, что игры последних представляют собой предметную деятельность. Последняя,

«составляя основу осознания ребенком мира человеческих предметов, определяет собой содержание игры ребенка» [6; 384—385].

Важнейшие качественные отличия даже ранних игр детей связаны с активным сознательным воспитанием ребенка взрослыми в условиях постоянного общения с ним, его целенаправленным приобщением к искусственному миру предметов человеческого обихода и социальной ориентации его поведения. В этом же русле совершается и специфически человеческое овладение ребенком речью — процесс, несопоставимый с развитием коммуникативных систем животных. Именно путем установления таких связей начинается передача от одного поколения к следующему общественно-исторического опыта. При этом, как показала М. И. Лисина [11], общение ребенка со взрослым при их совместной игровой предметно-манипулятивной деятельности является важнейшим условием общего психического развития ребенка. Экспериментальную разработку и обстоятельный теоретический анализ разнообразных вопросов, связанных с процессом присвоения ребенком общественного опыта, осуществляли А. А. Люблинская [8], Н. Н. Поддьяков [10] и другие психологи. Не останавливаясь на конкретных играх детей и детенышей, рассмотрим бегло лишь некоторые общие сравнительно-онтогенетические аспекты гомологичного сходства форм развития поведения.

Признаки такого общего гомологичного сходства проявляются прежде всего в том, что как у детенышей животных, так и у детей в ходе онтогенеза происходит глубокая перестройка устанавливаемых ими связей с компонентами окружающего мира, в корне меняется отношение к ним. И в том, и в другом случае переход от доигрового к игровому периоду характеризуется трансформацией первичной двигательной активности, особенно при обращении с предметами, резко расширяется сфера предметной деятельности, качественно меняются способы манипулирования предметами и отношение к ним, причем как у животных, так и у детей эти изменения носят прежде всего субституционный характер (наряду с проявлениями расширения, усиления и смены функции).

Разумеется, структура процесса становления и развития игровой активности ребенка носит значительно более сложный характер, чем у животных. Об этом свидетельствуют, например, данные Р. Я. Лехтман-Абрамович [7], согласно которым доигровые предметные действия («преддействия») сначала переходят в «простые повторные результативные предметные действия», затем в «соотносимые действия», при которых ребенок выявляет пространственные соотношения. Эти игровые действия, в свою очередь, сменяются «функциональными действиями», которые характеризуются тем, что ребенок распространяет свою активность на новые предметы. В результате этого обобщается накопленный двигательный опыт, начинается (путем сравнения и различия) ознакомление с функциями объектов и устанавливаются некоторые простые и общие их признаки. Продолжением этого исследования служит работа Ф. И. Фрадкиной [26], посвященная выявлению качественных различий между этапами развития уже самой игры в раннем детстве, которые в свою очередь, являются предпосылками развитой, творческой игры. Развитие структуры предметно-опосредованных действий ребенка в раннем детстве и изменение содержания опыта его деятельности были подробно изучены С. Л. Новоселовой [9].

Эта сложность, «многоступенчатость» хода развития, несомненно, обуславливает специфические особенности игры в дошкольном возрасте, причем в отношении не только ее наполнения социально детерминированным содержанием, но и развития особой структуры, адекватной сугубо человеческой форме игры дошкольника. В этой связи следует напомнить и о том, что А. В. Запорожец [4] выделяет наряду с общевозрастным процессом развития процесс функционального развития, которое связано с овладением

ребенком отдельными знаниями и способами действий, в то время как возрастное развитие характеризуется образованием новых психофизиологических уровней, формированием новых планов отражения действительности, изменением ведущего отношения ребенка к действительности, переходом к новым видам деятельности. Этим содержание психического развития ребенка, конечно, также в корне отличается от содержания этого процесса у детенышей животных. К тому же функциональное развитие, безусловно, протекает у первых и в качественно совершенно иных формах, чем у последних.

Большой интерес представляет появление в ходе развития игровой активности обобщенного отношения к предметам и условность устанавливаемых при этом связей. «Игровое действие, — указывает А. Н. Леонтьев, — всегда обобщено, это есть всегда обобщенное действие». И далее: «Именно обобщенность игровых действий есть то, что позволяет игре осуществляться в неадекватных предметных условиях» [6; 395]. Правда, «в игре не всякий предмет может быть всем. Более того, различные игровые предметы-игрушки выполняют в зависимости от своего характера различные функции, по-разному участвуют в построении игры» [6; 396]. Как общую закономерность все это можно отнести и к играм животных, которых также характеризует обобщенность отношения к игровым объектам (особенно в категориях 3, 4, 6 и 8). Однако эта общность форм обращения с предметами (и игровыми партнерами) кончается с появлением развитых детских игр с игрушками (в дошкольном возрасте), которые и имел в виду в данном случае А. Н. Леонтьев. Эти игры уже качественно иные и по форме. К тому же у ребенка с самого начала формируется социально обусловленное обобщенное отношение к окружающему, чем определяется качественное отличие содержания даже самых ранних игр детей.

Что же касается отмеченного А. Н. Леонтьевым дифференцированного применения различных предметов в игровых действиях, то, в отличие от детей, у животных пригодность предмета служить «игрушкой» и конкретный способ его применения зависят от того, является ли данный предмет носителем того или иного ключевого раздражителя [19], [25], т. е. детерминанта инстинктивного поведения. Иными словами, у высших животных развитие и совершенствование инстинктивных начал, их обрращение благоприобретаемыми компонентами, совершается преимущественно путем упражнения с предметами, замещающими истинных объектов инстинктивных действий. Особенно наглядно это проявляется в играх категорий 3, 4 и 8, при которых ознакомление с миром совершается именно путем пробных действий с такими замещающими объектами, т. е. безопасными и бесполезными для «серьезных дел». Возможность такого преадапционного «проигрывания» аналогов ситуации предстоящей взрослой жизни обеспечивается тем, что оно выполняется в «зоне безопасности» — под защитой родительской особи.

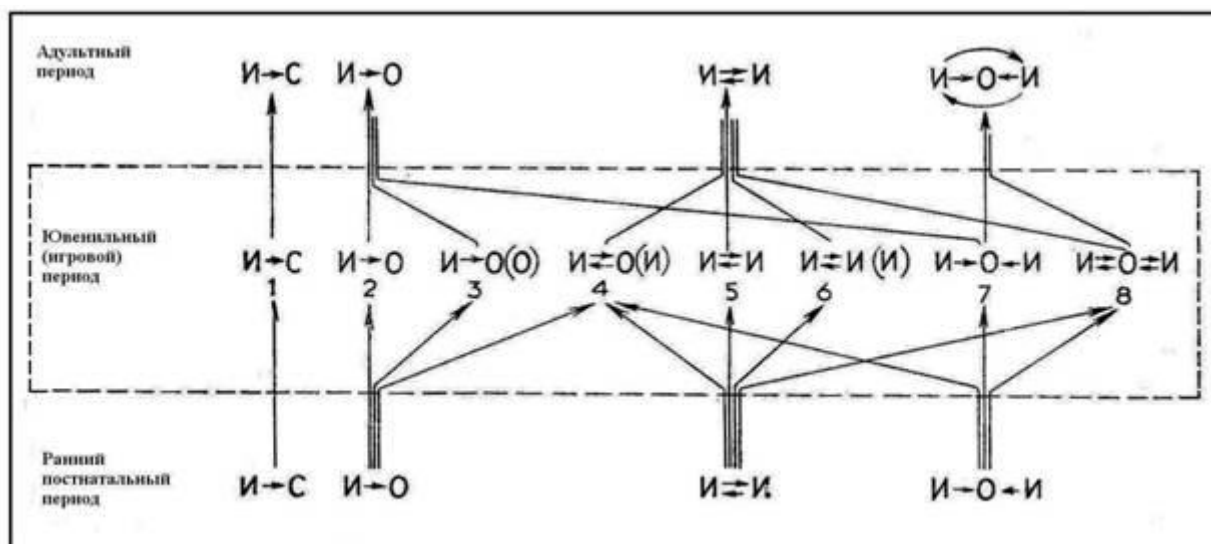
Важно также подчеркнуть, что, по А. Н. Леонтьеву, на начальном этапе развития ребенка игра зарождается из предметных действий неигрового типа и на первых порах является подчиненным процессом, зависящим от этих действий. Затем же игра становится ведущим типом деятельности, что связано с овладением «широким миром человеческих предметов». Тем самым перед ребенком открывается «путь осознания человеческого отношения к предметам, т. е. человеческого действия с ними» [6; 385]. Д. Б. Эльконин [30] также указал на то, что доигровой период развития характеризуется первичной манипуляционной активностью, элементарными манипуляционными упражнениями, на основе которых возникают собственно игровые действия ребенка, определяемые Эльconiным как действия с предметами, замещающими объекты поведения взрослых. Большое значение приобретает при этом также усложнение организации этих действий в

сторону воспроизведения жизненных связей, характерных для определенных ситуаций жизни взрослых.

Если учесть отмеченные специфические особенности развития игрового поведения ребенка, то сопоставление с развитием игровой активности животных, отраженным в приведенной схеме, показывает, что существует определенное сходство в том, что и у детей и у детенышей высших животных диалектика развития поведения проявляется в субституционных преобразованиях, которые обуславливают замену устанавливаемых с компонентами среды первичных связей вторичными, «имитационными» и «суррогативными», т. е. игровыми связями, которые затем в свою очередь заменяются связями, присущими взрослому поведению.

В этих преобразованиях, в этом отрицании отрицания устанавливаемых связей, о котором уже говорилось выше, мы усматриваем общефункциональное значение игры, точнее — игрового периода, который возник на высших этапах эволюционного процесса как промежуточное звено между начальным, постнатальным и адультиным этапами онтогенеза животных. Расчленение прежде непрерывного хода онтогенеза поведения промежуточным игровым периодом было на высшем уровне эволюции животного мира совершенно необходимо для дальнейшего прогрессивного развития психической деятельности высших животных, поскольку включение в онтогенез периода установления временных субституционных связей с компонентами среды обеспечило возможность существенного расширения диапазона активности и придания поведению большей лабильности, полноценного развития всех двигательных и познавательных возможностей в ходе многостороннего воздействия на компоненты окружающего мира и активного ознакомления с ним. Ясно, что такое коренное «расширение кругозора» на основе максимальной интенсификации двигательной активности являлось (и является) необходимой предпосылкой для усиленного накопления разнообразного жизненно важного индивидуального опыта.

В процессе своего становления человек унаследовал от своих животных предков это высокоэффективное, обладающее большой адаптивной ценностью достижение эволюции, и этим обусловлена гомологичность общего хода онтогенетического развития поведения у высших животных и у человека. Однако в онтогенезе человека открываются практически безграничные возможности многократного преобразования форм игровой активности, в то



время как даже у наиболее развитых животных адультное поведение фиксируется в указанных нескольких конечных руслах, изображенных на схеме. Поэтому, хотя и у человека поведение развивается отчасти по унаследованным от животных жестким руслам, оно в решающих сферах его деятельности не претерпевает на адультном этапе присущее животным сужение, а, наоборот, дивергентно развивается во все новых формах. В результате поведение человека развивается в конечном итоге в целом в значительно более широком диапазоне, чем на предшествующих этапах онтогенеза.

Не вдаваясь в подробности, мы коснулись здесь лишь некоторых сравнительно-онтогенетических аспектов развития поведения и психики животных и человека, опираясь при этом на нашу концепцию игры как развивающейся психической деятельности. Многие вопросы еще нуждаются в обстоятельном изучении, а приведенные здесь обобщения еще носят во многом предварительный характер. Разработка этой чрезвычайно сложной проблемы, без сомнения, имеет большое значение и для решения ряда насущных практических задач дошкольной педагогики.

1. *Басов М. Я.* Избранные психологические исследования. — М., 1975.
2. *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. — М., 1956.
3. *Выготский Л. С.* Игра и ее роль в психическом развитии ребенка. — Вопросы психологии, 1966, № 6, с. 62—76.
4. *Запорожец А. В.* Значение ранних периодов детства для формирования детской личности. — В сб.: Принцип развития в психологии. М., 1978, с. 243—267.
5. *Ладыгина-Котс Н. Н.* Дитя шимпанзе и дитя человека. — М., 1935.
6. *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. — М., 1959.
7. *Лехтман-Абрамович Р. Я.* Этапы развития действий с предметами у детей первого года жизни. — В кн.: Этапы развития игры и действий с предметами в раннем детстве. М., 1949, с. 5—40.
8. *Люблинская А. А.* Очерки психического развития ребенка. — М., 1965.
9. *Новоселова С. Л.* Развитие мышления в раннем возрасте. — М., 1978.
10. *Поддьяков Н. Н.* Мышление дошкольника. — М., 1977.
11. Развитие общения у дошкольников/Под ред. А. В. Запорожца, М. И. Лисиной. — М., 1974.
12. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. — 2-е изд. — М., 1946.
13. *Фабри К. Э.* Обращение с предметами у низших обезьян и проблема зарождения трудовой деятельности. — Советская антропология, 1958, т. 2, № 1, с. 23—31.
14. *Фабри К. Э.* Роль манипулирования предметами в онтогенезе поведения низших обезьян. — В кн.: Физиологические основы сложных форм поведения. М; Л., 1963, с. 107—108.

15. *Фабри К. Э.* Об отношении низших обезьян к прозрачным предметам в связи с биологическими предпосылками антропогенеза. — Вопросы антропологии, 1964, вып. 16, с. 116-120.
16. *Фабри К. Э.* В. А. Вагнер и современная зоопсихология. — Вопросы психологии, 1969, № 2, с. 100—107.
17. *Фабри К. Э.* Этологическая классификация дополнительных функций грудных конечностей и ротового аппарата млекопитающих: (К вопросу о принципах этологической систематизации). — Бюллетень МОИП. Отд. биологический, 1972, т. 77, вып. 1, с. 5—13.
18. *Фабри К. Э.* К проблеме игры у животных. — Бюллетень МОИП. Отд. биологический, 1973, т. 78, вып. 3, с. 137—146.
19. *Фабри К. Э.* Основы зоопсихологии. — М., 1976.
20. *Фабри К. Э.* Основные этапы развития поведения животных в онтогенезе. — В кн.: Управление поведением животных. М., 1977,
21. *Фабри К. Э.* Филогенетические предпосылки человеческих способов общения. — Вестник МГУ. Серия 14. Психология, 1977, № 2, с. 68—75.
22. *Фабри К. Э.* О закономерностях развития психики в онтогенезе животных. — В кн.: Принцип развития в психологии. М., 1978, с. 337—366.
23. *Фабри К. Э.* Человек и шимпанзе. 1. Вопросы сравнительного изучения поведения человека и обезьян. Проблема языка. — Вопросы антропологии, 1979, вып. 63, с. 22—33.
24. *Фабри К. Э.* Этологический анализ мультифункциональности главных эффекторных систем млекопитающих. — В кн.: Морфологические аспекты эволюции. М., 1980, с. 190—210.
25. *Фабри К. Э.* Классификация игр животных. — Бюллетень МОИП, Отд. биологический, 1982, т. 87.
26. *Фрадкина Ф. И.* Этапы развития игры в раннем детстве. — В кн.: Этапы развития игры и действий с предметами в раннем детстве. М., 1949, с. 41—73.
27. *Эльконин Д. Б.* Психологические вопросы дошкольной игры. — В кн.: Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста. М., 1948.
28. *Эльконин Д. Б.* Психология игры в дошкольном возрасте. — В кн.: Психология личности и деятельности дошкольников. М., 1965.
29. *Эльконин Д. Б.* Основные вопросы теории детской игры. — В кн.: Психология и педагогика игры дошкольника. М., 1966.
30. *Эльконин Д. Б.* Психология игры. — М., 1978.

Поступила в редакцию 06.X.1981 г.